

Александр Владыкин

Тайны Иудейской пустыни 3

16+

Александр Владыкин
Тайны Иудейской пустыни 3

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Владыкин А. Е.

Тайны Иудейской пустыни 3 / А. Е. Владыкин — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

Не можно назвать пустым, что переполнено чудесами, к чему стремятся люди, открывая для себя новые грани неизведанного. Пустыня - это фантастический мир нашей планеты, это непонятный мир внутри нас. Пустыня - это тайная фобия человечества, и каждому нужно преодолеть страх, наступив на раскалённый песок. Пустыню мало знать, её нужно понять, жить по её законам.

Глава 1

Йоко вернулась. Не выдержала цивилизации. Тяжело находиться среди людей и чувствовать себя одинокой.

– Одинокой, это как?

– Ты робот, Али. Всё равно не поймешь. Мы здесь жили, работали, у нас была команда, какая-то общность интересов. Там этого нет. Каждый сам по себе, или член какого-нибудь преступного клана. Знаешь, как будет семья по-итальянски?

– Да, знаю. Мафия.

– Вот и в Японии. Народа много, людей нет, сплошная мафия!

– Ничего. Поскучаешь здесь пару месяцев за монитором камер наблюдения, иначе запоёшь.

– Вряд ли! Я за этим монитором больше времени провела, чем ты находишься на Земле, Али.

– Поживём увидим. Здесь такая скукотища! Там в Японии, хоть море есть. Целый океан! А, здесь ничего, кроме земли, камней и песка. Скажи правду Йоко, что тебя привело в наши места? Забыл поздравить тебя с удачной пластикой. Если бы ты, ещё, голос изменила, я бы тебя не узнал. Подумал, что кто-то из паломниц забрёл случайно в подземелье.

Йоко зарделась, не так часто мужчины одаривают её комплиментами.

– Было у меня две подруги, даже не подруги – скорее знакомые. Сагитировала я их посетить монастыри Иудейской пустыни. Эта поездка была им по бюджету. Я описала им всю красоту этого места, где можно ночевать в палатке, на открытом воздухе, на берегу реки Иордан. А, звёзды – какие здесь звёзды! На небе, как на дереве – руку протяни, и срывай по одной...

– Ну, и как? Понравилось им здесь?

– Не знаю. Пропали подруги. Уехать уехали, но обратно не вернулись.

– У нас здесь есть всё, даже война иногда бывает, люди умирают по– неосторожности, но никогда, никто не занимался здесь воровством людей. Ты в полицию обращалась, Йоко?

– Два официальных запроса от Министерства иностранных дел Японии...

– Дальше можешь не продолжать. Я всё понял.

Али уже наметил план поисков девочек из Японии. Нужно будет проверить всю полицейскую картотеку с информацией о пропавших людях за последние полгода, все гостиницы, ночлежки, начиная с аэропорта, должен же остаться, хоть какой-то след. Не может человек, вот так, пропасть в никуда. Ищи зацепку, Али! Камеры наблюдения, возле каждой гостиницы, на каждом перекрёстке. Вся информация передаётся из сервера, в архив. Она сохраняется в блоках памяти. Всё в твоих руках, Али!

Блин! Первый блин комом – информация о видеосъёмке в архиве сохраняется не более двух недель. Я не думал, что Иудейская пустыня так популярна в туристическом мире. Из одной Японии и Южной Кореи, было больше двух тысяч гостей, за полгода. Они, как тараканы расползались из Тель-Авива по разным странам, соседствующим с Израилем. Я ходил по широким улицам, в одежде бедуина, и чувствовал, что взгляды всех полицейских этого города прикованы к моей особе. Мне надоело бесцельное хождение, проверка документации таможни и аэропорта мне ничего не дала. Йоко говорила, что они собрались в Иудейскую пустыню. Надо искать гостиницу, где они могли остановиться.

Больше всего нас утомила дорога. Подругу прорвало на еду. Она всегда что-нибудь жуёт, или, как корова, пережёвывает. А я... а меня тошнит, весь перелёт. Я жалею, что согласилась провести отпуск в Израиле. Романтическое путешествие! Чувствую себя обалденно – как беременная! Сколько мы ещё лететь будем? Я со всего перелёта, только туалет успела изучить – главная туристическая достопримечательность! Стюардесса что-то пробубнила по громкоговорящей связи. Этот английский язык, когда я слышу его, мне кажется, что человек не говорит,

а глотает слова. Лишь бы успеть до туалета добежать! В этом Израиле никто не разговаривает по-японски, а я..., а мы – английский, только с разговорником. А, ещё нужно добраться до Иудейской пустыни. Я не знаю, далеко ли это, и ходят ли туда автобусы?

– Самико, перестань жевать, пожалуйста! Побереги свою фигуру и дай покой моим нервам.

– Мы ещё не прилетели, а ты уже начинаешь говорить, как истинная еврейка.

– Что? На иврите?

Подруга засмеялась:

– На санскрите, с еврейскими оборотами. «Самико, не делай мне нервы, пожалуйста».

Подруга перекривила меня, подделав мой голос. Мне тоже стало смешно. Организм устал от перелёта и требовал разрядки. Самолёт шёл на посадку, мы, кажется, прилетели. В иллюминаторах появились лучи взлётно-посадочной полосы.

– Экипаж самолёта рад приветствовать вас в аэропорту Тель-Авива.

Стюардесса перешла на японский язык. Я опять загрузила – целый месяц в Израиле, как глухонемые. Самико летела сюда, чтобы похудеть. А я, за компанию. Мы, с Самико полные противоположности. Мне, наоборот, не мешало бы вес набрать! Этот Тель-Авив, конечно не Токио, не сравнить!

– Неужели в Израиле всё так запущено и никто не знает японского языка?

Самико съязвила:

– Ну, конечно! В Японии давно все перешли на идиш!

Я отмахнулась от неё сумкой. Самико подхватила мою игру. Полицейский на улице наблюдал за нами с подозрительным выражением лица. Я одернула подругу, а то нас могут неправильно понять. У таксистов глаз намётан на иностранцев, они реагировали на черты нашего лица, выдающего туристов из Японии. Лучше бы они реагировали на содержание наших кошельков! Самико догадалась поменять иены на доллары, у неё, даже шекели были. Мы вздохнули и пошли на автобусную остановку. Нужно как-то добираться до этой Иудейской пустыни.

Пришло время назвать себя. Я стесняюсь своего имени. Оно больше похоже на кличку. Так оно и есть. Меня родители назвали Нагара. Нагара Огаи – звучит? Меньший брат, на встрече одноклассников представил меня, как Ниагару. С тех пор все забыли про моё имя. Сосед паспортист так и записал в главном документе – Ниагара Огаи.

– Ты, хитрая, Ниагара! Я тащу весь багаж, а ты, налегке. Размахиваешь дамской сумкой. Возьми, хотя бы, рюкзак.

Я нашёл след японских девчонок в отеле, возле трассы, в двух шагах от пустыни, недалеко от города Хеврон. Гостиница принадлежала муниципалитету Кирияф-Арбы, построена, специально, возле трассы в Иерусалим, для обеспечения потоков верующих. наших красавиц нельзя было отнести к паломникам, но в этой гостинице нашлось место для японских туристов. Я начал работать, вселился, сначала в администратора, вернее это была хостес, а потом, в официанта гостиничного ресторана. Я пытался узнать всё про девушек: их привычки, с кем общались, чем запомнились обслуживающему персоналу?

– Японки, как японки! Ничего достопримечательного. Они у нас не долго были, дня три. Одна постоянно что-то жевала, и была похожа на Нетту Барзилай, а другая была, как вулкан. Нет, как водопад, вспомнила – Ниагара! Худая, и длинная, как шея жирафа.

Точно. Это были мои девочки. Йоко прыгала до потолка в пещере, когда я ей рассказывал про своё расследование.

– А, куда они дальше пошли из этой гостиницы?

Если бы я знал? К сожалению, в гостинице след девушек обрывается. Я просмотрел ещё раз весь список посетителей. Напротив, наших японок жила в одиночном номере вдова из России, приехавшая для посещения русского храма Святой троицы. Может она, что знает. На поиски вдовы у меня ушёл месяц. Я облетал пол мира, а эта Роз Иванова жила в двух часах езды от Хеврона. Сюда она приехала почтить память своего мужа, поставить свечу в русский храм. Я не стал забираться в старое изнеможенное тело. Просто спросил за двух девочек-туристок, сказав, что они пропали и я занимаюсь их поиском. Женщина всплеснула руками:

– Я их предупреждала! Я говорила! А, они, по-русски, ни бум-бум!

– Как вы общались с ними, мадам?

– Как и все – по планшету, через переводчика.

Это было интересно. Кажется, я нащупал след. Я, абсолютно не сожалел о потраченном месяце на поиски этой «русской» с еврейскими корнями. Роз Самуиловна меня угостила чаем.

(– Роботы не пьют чай!

– Если надо? Они смолу, кипящую выпьют! От бесплатного еврейского чая, ещё никто не отказывался.)

– Тётя Роза! Вы не скажите куда пошли девочки из гостиницы?

– Чем вы слушаете? Я полчаса вам пытаюсь объяснить. Я их предупреждала, чтобы не ходили в это место. Там люди сходят с ума. Мне рассказывали, что очевидцы, клюнувшие на рекламу аферистов, попали в неловкое положение. Один серьёзный человек – бизнесмен из Сан-Пауло, полностью сорвал с себя одежду и пытался соблазнить невинное создание, в присутствии её родителей. В этом месте происходят страшные, необъяснимые вещи. На каждого каньон поющих скал воздействует по-своему. Тот, кто рассказал мне эту историю, едва выбрался живым из каньона.

Я нашёл очевидца. Да простят меня все святые, я порылся в его памяти.

– Мы приехали на машине. Люди, направившие нас сюда, говорили, что нужно подождать до обеда. Кондиционер в машине работал на пределе своей возможности. Хач подогнал машину поближе к скале и достал сигарету с анашой. Меня же жара и пустынный климат тянули на сон. Я вспомнил:

– В холодильнике было баночное пиво, всё, что осталось, после вчерашнего банкета. Мы пролетели с девочками! Решили праздник разбавить экстримом. Хач говорил, что здесь, даже наркотиков не надо. Мой собеседник затих.

(Я, незамедлительно, вошёл в его образ).

– Что это? Мой мозг разлетелся искрами фейерверка, это был салют, невообразимая гамма переплетённых эмоций! Мы танцевали. Все, шли за весёлым козлом с бубном. Я отчётливо видел – это Пан! Люди начали срывать с себя мешающую им одежду, а потом, кинулись громить машины, на которых приехали к каньону поющих скал. И, всё это под музыку, под чарующее песнопение ветра. Итак, продолжалось до вечера. Я пришел в себя после захода солнца, в чужом теле. Попытался найти своих друзей. Шатаюсь, добрёл до нашей машины, вернее до того, что от неё осталось. Я никого не нашёл. Люди, потихоньку, приходили в себя. Я старался не смотреть на людей. Мне было стыдно. Всем нам было стыдно. Я натягивал свою рубаху на колени, чтобы спрятать наготу, пока не догадался снять её и сделать из рубахи юбку, обкрутив её вокруг талии. Многие, из людей, были совсем голые. Не позавидую тем, кто взял с собой детей – посмотреть на одно из чудес света. Мошенники, как могли, разрекламировали товар. Паломники, священники, туристы со всего мира, мусульмане, христиане, буддисты – кого здесь только не было!

Глава 2

Я всё понял, и вышел из образа. Это не было похоже на гипноз, я не знаю на что это было похоже, если даже воспоминания вассала меня привели к безумию. Я поспешил обратиться побыстрее из кафе, в котором я встречался со свидетелем. Посетители и бармен не сводили

глаз с нас, видимо заподозрив в наших ипостасях – сладкую парочку. Я не помнил, что вытворял в кафе, одновременно, находясь в чужом теле, под наркотическим опьянением. Бедный робот – он был красный, как рак!

– Сколько нужно повторять очищающую суру, чтобы добиться милости от Аллаха?

(– Роботы не краснеют.)

– Ах, да! Это действительно, чертовски непонятное место.

– Не поминай нечистого, Али!

– Йоко! А, мы с тобой чистые?

– Не знаю, как ты, а я – произведение рук человека, и, вообще, меня на манекенщицу готовили!

Я согласился с Йоко. Никакое это не чудо света. Очередная непонятная схема шарлатанов с применением сильнодействующих наркотических средств. До этого случая я, почему-то думал, что на меня наркотики не влияют. Наверное, ошибался, не знаю. Надо будет по месту проверить. Я, ещё помнил, где находится каньон поющих скал. Блин! Я долетел до этого места, ещё до обеда. Я думал, что уже успел изучить Иудейскую пустыню. Увы! Целый день прождал, но никакого каньона, не скал я не увидел. Хотя помнил, что прошлый раз мы поставили машину в тень, от скалы. Чудеса! Ошибиться я не мог. Роботы никогда не ошибаются!

– Ну, что? Побывал в филармонии?

– Мне не до твоих шуток, Йоко. Нет там никаких скал, нет и каньона, нет и филармонии. Всё это надувательство чистой воды!

– А, теперь послушай, что я выяснила, не покидая стен этого монастыря. Приходил отец Дионис. Он рассказал мне про тайну каньона с поющими скалами.

– Это было давно. Ещё когда не было команды стражников, а я был обыкновенным иерусалимским обывателем.

– Не прибедняйся. Я знаю, что у тебя в городе была школа йоги, ты был в ней, наподобие наставника, учителя, гуру, не знаю, как это по индийской философии.

– Слушай Йоко. Это было давно и неправда. У школы был другой хозяин, он не захотел делить лавры пришедшей славы со мной. Мне пришлось себе искать работу и место для проживания. Я с готовностью откликнулся на предложение конторы. Полувоенная организация археологической направленности, это было именно то, что мне нужно в то время. Ибо я был зажат со всех сторон. Блин! Никакая йога не могла заглушить чувство голода. Следующим этапом моего существования была смерть. А, контора обещала пропитание, и не плохую заработную плату. Меня устроило их предложение. Дальше не буду рассказывать про свою жизнь. Я священник, мне это не нужно.

– На чём я остановился? Ах, да, про поющие скалы! Я, как и вы, тогда, считал это шарлатанством, надувательством, с одной целью – вытянуть деньги из вашего кармана. Я никогда не отвечал на призывы адептов этого нового чуда. Израильские города переполнены подобными шарлатанами. Я был научен горьким опытом: со мной обошлись бесчеловечно: не заслужено, меня выгнали со школы, как собаку, а ты говоришь – гуру! Жизнь научила меня беречь каждый шекель. Я старался не попасться на уловки шарлатанов. Но однажды, меня занесло в пустыню. Далеко от дорог и городов, я помню развалины какого-то монастыря и колодец. Высохший колодец, в нём не было воды несколько столетий. Поднялся ветер. Я знал, что такое буря в пустыне. Как мог, я укрылся своей одеждой, я закутался в ватный халат, который был моим неизменным путником. Я обвязал голову шарфом, связанным из грубой шерсти местных коз руками женщин бедуинов. Камни разрушенной кладки колодца были единственной моей защитой от ветра. Я мечтал спрятаться, как можно глубже, от этого колючего песка, проникающего во все щели моей одежды. Я готов был уже спрятаться в колодце, если бы не страх перед змеями, тарантулами и прочей не знакомой мне нечистью! Я бы и умер возле колодца,

засыпанный толстым слоем песка. Вдруг я увидел появление каньона, он был, как провал, в окружении песчаных скал. Я услышал музыку, пели камни, пел сам песок. Ветер стих, но звук усилился. Я растворился в природе, пустыня мне показалась самым лучшим местом на Земле. Я танцевал в окружении женщин, под звуки дудочки, на которой играл Орфей. Это было боже-ственно! Эйфория! Я снял свои одежды, освободил своё тело от пут. Я присоединился к танцовщицам. Мы ласкали друг друга! Мы парили над пустыней, вместе с облаками!

– Ты знаешь, что самое сладкое на свете?

– Сахар, мёд, патока!

– Нет. Самое сладкое на свете – это грех! Я понял это тогда, в пустыне у поющих скал. Грех – он, как наркотик, в тысячу раз сильнее, он притягивает к себе. У человека появляется маниакальная зависимость к возвращению в эту зону греха. Я очнулся вечером, уже в потёмках. Всё пропало: каньон, скалы вместе с музыкой и танцовщицами. Я был, абсолютно, голый, и почувствовал, какое-то внутреннее опустошение, меня, как кто вывернул наизнанку. Я стоял около колодца и слушал переключку цикад. Я не знаю, что это было, Йоко. Я не помню, как добрался в город. Но, во снах, я часто возвращаюсь на это место, где я был счастлив.

– Больше ничего не помнишь, Йоко?

– Отец Дионис, – поправил священник.

– Помню! В том и беда, что помню! Прошло много лет, но молитвы в монастыре не помогают мне забыться. Я помню голос из колодца, он уже несколько лет зовёт меня:

– Сюда. Иди ко мне, не бойся. Я жду тебя! Иди, здесь хорошо! Мы ждём тебя!

Отец Дионис закончил свой рассказ, и быстро, быстро поднялся по лестнице, ведущей к площади посередине монастыря преподобного Саввы Освящённого. Он перед своим уходом сказал:

– Ты очень похожа на танцовщиц из каньона греха!

(Я не ошибся:

– Рано ты в священники пошёл, святой отец!)

Надеюсь, Йоко не прочитала мои мысли?

– Значит, получается это не единственное место в Иудейской пустыне, где возникают эти поющие скалы? Либо, оно, каким-то чудесным образом может перемещаться по пустыне. Слишком одинаково его описывают все свидетели этого земного чуда: Каньон, скалы, музыка. Йоко, если бы я не прочувствовал всё сам, я бы никогда не поверил в это. Значит наркотики отпадают. Не понятно, как шарлатаны узнают о месте появления этих скал? Если мы не разгадаем с тобой этот секрет, то грош нам цена, Йоко. А шарлатаны будут наживаться на доверчивых туристах.

– Ты забываешь, Али, у нас другая цель. Прошу тебя. Не отклоняйся от расследования пропажи японских девочек.

Наконец мы отвязались от этой мымры! У неё старческий маразм: то ей юбки наши не нравятся, слишком коротки для мусульманского мира, то потребовала, чтобы мы не пользовались косметикой, говорила, что пустыня не любит этого. Как эта старуха надоела! Йоко была права, в Иудейской пустыне действительно интересно, сегодня мы, вместе с Самико поедem смотреть поющие скалы. Там даже ритуал специальный есть, нужно выждать время, когда солнце переместиться в зенит. Лишь бы эта мымра ни о чём не заподозрила. Ну, бог и соседку нам послал! Она, категорически запрещала нам углубляться в пустыню, у неё весь мир наполнен мошенниками и шарлатанами. А, по мне – это одно и то же. Мне кажется, без мошенников мир будет выглядеть скучнее. Это, как цирк, без фокусников-иллюзионистов.

– Ниагара! Не отставай. Вся группа уже собралась.

Я думала мы уедем далеко, на край пустыни, а это совсем рядом. Молодые люди высадили нас посреди песка и камней, в пятнадцати минутах езды от гостиницы, собрали деньги за аттракцион, и уехали восвояси.

– Вы сидите, и ожидайте, когда появятся поющие скалы.

Я не пойму, почему тогда сюда приезжать нужно рано утром, если, всё равно, ждать до обеда? Мы уехали, чуть свет... Через пару часов ожидания, толпа начала роптать. Честное слово, я почувствовала, что у меня начали расти ослиные уши. Нас надули. Блин! Как последних лохов, вывезли в пустыню и сиди жди, когда рак свистнет, или скалы запоют. Оптимисты уже смеялись в открытую, хорошо, хоть до гостиницы не далеко, пару часов ходу. Особо принципиальные и нервные, начали ругаться, не смирившись с потерей денег, и начали агитировать толпу последовать назад в гостиницу. Мне тоже было немного жаль потраченной суммы на поездку, я посчитала, что мы, на эти деньги, купили немного ума. Права была соседка:

– Весь мир держится на шарлатанах и аферистах!

Никто, никуда не уходил. Солнце подымалось всё выше и выше. Люди стали делиться водой, кое кто нашёл, в этом несбыточном аттракционе, перст судьбы, и принял более крепкие напитки. Я не поверила своим глазам. Молодые люди не обманули нас. Появился каньон, и скалы. Музыка, целое море музыки! А, потом, такое началось!

– Ты много лет поставляешь рабов в наши миры! Не открывая секрет, где их берёшь.

– Я поставляю материал, Эрг! Он, как воск, текуч и липок. В вашей воле сделать из него кого хочешь, господин: раба, слугу, воина! За ваше золото, я готов исполнить любой ваш каприз!

– Я заказал тебе двух охотниц.

– Ваш заказ выполнен, господин! Можете прислать слугу за женщинами.

Эрг доверял ловчему. Бург был из семинга его отца. Эрг подал мешочек с золотом, как плату за товар, который уже сегодня будет в его лагере. Эрг старался укомплектовать охотников перед началом обезьяньего гона. Предводитель обезьян предложил свои правила игры: обезьяны, как всегда, не будут ограничены в защите, основным оружием обезьян будут зубы и когти, разрешалось ещё применение других животных, заключивших союз с обезьянами на эту игру. Лысые должны быть вооружены короткими мечами. Разрешалось применение приманки. Приманка должна быть пронумерована, и, обязательно, прикована короткой цепью к камням, или скалам. Приманка должна иметь не более четырёх защитников. Защитникам позволено иметь, кроме коротких мечей, пики, с тупыми наконечниками. Игра начнётся в день, когда светило тьмы окрасится в красный цвет. Спокойных снов тебе Эрг!

– Спокойных снов повелителю обезьян!

Эрг был доволен: ловчий обеспечил его армию всем необходимым. У него теперь полный штат загонщиков, копателей ловушек и мастеров пращи. Последние, как и боевые слоны, были сюрпризом для неприятеля. Игра должна быть интересной! Эрг. Как и все жители его семингов ожидали построения охотников в боевые порядки. Сигнал священного рога тура начинал игру, как только ночное светило показало цвет своего лица. Предводитель обезьян наблюдал за игрой с башни дракона. Надеюсь, в этот год он не изменит своей привычки. Эргу никогда не удавалось пленить предводителя обезьян. Уж, сильно его охраняли. Но в этом году, он кое-что придумал, только бы ловчий успел воплотить все его мечты в жизнь, до начала охоты. Эрг пожелал спокойных снов своим подданным, чтобы для них каждый день был удачным, под его руководством!

Глава 3

Альфа-самец обезьяньего племени был давним соперником Эрга в смертельно опасных играх. Всё-таки я права, за многие годы, проведённые в семинге Эрга, я поняла, почему эти игры нельзя называть войной. Это была игра: жестокая, бескомпромиссная, со следами лице-

мерия и предательства. Но, игра! Соперники не были заинтересованы в победе, любой ценой, не считаясь с потерями. В этой игре ценились продуманные комбинации, неожиданные ходы, убийство не являлось самоцелью, скорее приоритетом силы и ловкости победителя над побеждённым. В войне нет правил, есть некоторые ограничения, которые, все воюющие стороны стараются игнорировать. Здесь же, любая операция, любой ход соперников оценивался судьями. Судей невозможно было подкупить или запугать. Я никогда их не видела, они были не из нашего мира, и оплату, за свой труд брали трупами. Им было дано право – собирать урожай после этих игр. В отдалении – на буграх, на скалах, на сторожевых башнях и, вообще, на всех возвышениях, пригодных для наблюдения, гнездились толпы зрителей. В этом мире чужая смерть – развлечение. Много желающих понаблюдать за мучениями различных существ, со стороны. (Я вспомнила, эти существа не далеко отошли от людей моего мира, у них тоже есть похожие игры, и, такие же кровожадные зрители.) Болельщики создавали шум, и задавали тон игре, самые азартные из них, вступали в перепалку, которая зачастую заканчивалась кровопролитием, если не успевали зрители разогнать беснующих фанатов. (Всё, как на Земле. Я вспомнила соседа по квартире в Токио. Тот бросался на телевизор с кулаками, когда проигрывала любимая команда.) До меня, так и не дошло, как мы попали в этот мир, голова болела, как после саке, всё кружилось перед глазами, Самико была раздетая, я осмотрела себя: одежды на мне тоже не было. Мы находились в каком-то склепе, похожем на камеру тюрьмы, над нами виднелось небо. Потолка не было, вместо него, какая-то шахта, уходящая вертикально вверх. Голова плохо соображала. Я забыла, где мы находимся, помню, что в пустыне, но где, а название этого места – хоть убей! Я сообразила: мы находимся на дне колодца, но, как мы сюда попали? Как выбираться будем? Это пришло в голову с опозданием. Я закрыла глаза. Боль не прекратилась, такое ощущение, что мою голову режут дольками, как лимон! Я вспомнила полёт, состояние невесомости, я падала маленьким пёрышком, подымалась, подхваченная ветром, и снова падала. Я открыла глаза, моя подруга зашевелилась. О, боже мой, только не это... Самико вырвала прямо на пол.

– Хорошо погуляли вчера!

Она осмотрелась:

– Где мы? Почему в таком виде? Это полиция? Почему ты молчишь, Ниагара?

– Не знаю. Скорее колодец, а мы... в пустыне.

Самико закатила истерику. Досталось всем: шарлатанам, арабам, соседке по номеру, но больше всего она выплеснула свою злобу на Йоко. За всё хорошее, за то, что мы – две несчастные дуры, клюнули на её совет посетить Иудейскую пустыню.

У меня прогресс. Я вспомнила название места где мы находимся, только выговорить его я не могу. Я услышала скрип двери. Всё-таки это была камера. Вошёл мужчина... Лысый, абсолютно лысый..., а мы голые. Кричать не было сил! На мужчине была одна набедренная повязка и браслет на шее, выполненный в образе скрутившейся змеи. Браслет был красивый, и, как живой! Он, пружиной прочно прилегал к телу. Казалось, что одно неосторожное слово, и змея проснётся и задушит вас. Человек просунул верёвку в кольцо, вставленное в мой нос. Блин! Этого я не заметила. Присмотрелась, у подруги точно такое кольцо, лысый нанизал Самико, точно, как меня – на верёвку. И, мы пошли, вернее лысый повёл нас, голых, не знаю куда. Верёвка ограничивала наши движения, любое отклонение от маршрута сопровождалось резкой болью в голове. Мы, молча выполняли любое требование сопровождающего. Выход на улицу резанул по нашим глазам. Мужчина сделал перерыв, понимая наше состояние, видимо сопровождение задержанных, дело привычное для него. Нас вели по улице, как скот на верёвке, да ещё голыми. Такого стыда я не испытывала за всю мою никчемную жизнь. Назвал меня брат Ниагарой, так мне и надо! На все мои сигналы, сопровождающий не реагировал, я перестала к нему обращаться, когда увидела наушники в его ушах. Он меня, просто, не слышал, ему не нравилось смотреть на голых женщин, он предпочитал наслаждаться музыкой. Меломан хре-

нов! В конце улицы появился какой-то народ. Я попыталась прикрыться руками, но мы завернули в проулок и, вскоре, подошли к большому красивому дому. Нет, это был замок, дворец вернее.

– Сарай, – сказал сопровождающий, назвав его семингом. Я забыла, в этом еврейско-арабском мире совсем не понимают японский язык, а планшет мы умудрились потерять во вчерашней экскурсии. Подруга только шевелила губами и пускала пузыри. Я ей сочувствую, было, как раз, время третьего завтрака для неё.

Нас завели за ворота. Внутри двора был целый полигон. Нет, спортивная площадка. Я посмотрела на тренирующихся и моё сердце замерло от предчувствия – это был тренировочный центр, для гладиаторов. Я видела такие в кино. К нам подошёл высокий атлетически сложенный мужчина, и о чём-то заговорил с нашим проводником. Я вслушивалась в их разговор, они словно пели, непонятно на каком языке.

Самико вылупилась на них, сделав, почти европейскими, перепуганные глаза:

– Это что? Продолжение нашей экскурсии? Итальянская опера? А, почему они лысые?

Странно. Я тоже обратила внимание на это. В отличии от подруги, я сообразила, что мы попали непонятным образом совсем в другой, чужой мир. И эти лысые мужчины решают нашу дальнейшую судьбу. Атлет что-то крикнул внутрь двора, и от тренирующейся команды отделилась женщина, похожая на амазонку средневековья. Я, впервые увидела женщину этого мира. Она, как эталон красоты выделялась на фоне лысых и невзрачных мужчин. Её, выделяющиеся мышцы на гибком теле, лишённом и капли жира, говорили о том, что это существо всю свою жизнь провело в тренировочном зале и родилось не с серебряной ложкой во рту, а с гантелями в руках. Женщина что-то пропела атлету. Проводник освободил нас, выдернув верёвку из наших носов. Блин! Больно! У меня выступили слёзы на глазах. Я поняла, что придётся привыкать к подобному обращению. Женщина показала глазами, чтобы следовали за ней. Она привела нас в казарму, иначе нельзя было назвать это место, где, вместо тумбочек стояли различные тренажёры, а кровати были в три яруса. Она указала наши места в этом помещении. Самико достался второй ярус, а мне..., а меня эта женщина замеряла, и определила на третий ярус кровати. Ей безразлично было, что я высоты боюсь, и могу ночью свалиться, просто так, и что у меня кружится голова... Претензии высказывать было не кому, что, только, своей подруге..., но та была не в лучшем положении! Я представила, как она пытается забраться на второй ярус, мне смешно стало. Я встретилась с глазами аборигенки, и моя ухмылка моментом стёрлась с лица. Амазонка обожгла меня своим взглядом, дав понять, что Сарай семингов не место для шуток. Я потеряла надежду на возвращение в свой прежний мир. Первый день в этом Сарае, был последним днём беспечной, лёгкой, праздной жизни, к которой мы привыкли в своём мире. На следующий день начался кошмар. Ежедневные изнурительные тренировки, наказания, побои, многокилометровые пробежки, ночи, без сна и покоя, дежурство по кухне, холодный ветер на верху сторожевой башни, всё это приходилось терпеть. Питание было калорийным и хорошим. Повара из племени горбунов готовили аппетитно и очень вкусно, но калории не задерживались в наших организмах. Я стала ещё худее и длиннее, а, Самико, невозможно было узнать. Сбылась её мечта. Она ехала в Иудейскую пустыню, чтобы похудеть. В казарме нас собралось пятьдесят человек, и все женщины. Девочки, в свободное от тренировок время, старались нас обучить местному языку. Самико легче давалось обучение, а у меня – слуха нет. Мне постоянно приходилось переспрашивать у подруги, а когда я пыталась пропеть изучаемые слова, смеялась вся казарма так, что прибежали зрители с разборками, а я получала наряд. Я не считала, сколько нарядов выпало на мою душу, пока я не овладела языком Угримов. Так назывался народ, к которому мы попали. Я не смогла определить, где этот мир находится, знания старожилы были ограничены, мне называли народы, живущие рядом с угриками, но их названия мне ни о чём не говорили. Наша казарма относилась к охотникам. Мне объяснили, кто такие охотники в этом мире. Нам немного повезло с распределением: мы не слуги, не рабы,

не бездомный нищий сброд, питающийся объедками и тем, что найдёт на мусорных свалках. Нас готовят для охоты. Я плохо понимала, что это такое. В моём представлении, искажённом земными реалиями – охота, это было что-то красивое, экзотичное, с загонщиками, флажками, собаками, и на конях. Конь и охотничий рог – это символы охоты. К чему тогда такие тренировки? Я видела, как тренируют мужчин на специальных тренажёрах, заставляя прыгать через хорошо наточенные мечи, постепенно увеличивая скорость этих тренажёров. Я спросила у Ироны, старшего охотника нашего семинга (Это первая женщина, встретившая нам на пути в этом мире.):

– Что случится с теми охотниками, которым не повезло попасть под острые мечи тренажёров.

Обветренное лицо женщины потемнело ещё больше.

– Не думай об этом Ниа. (Местные сократили моё имя, до более привычного для них.)

На его место придёт другой охотник.

Я поняла. Лечить и кормить инвалида никто не будет. Поэтому, хоть летать учись, чтобы не допустить трагической развязки. Тренажёры усложнялись, чтобы выработать у охотников выносливость, в сочетании с гибкостью, хорошую реакцию и меткость, особенно у охотников с пращей. Год прошёл в этих тренировках. Мы пока были меньшими охотниками, впереди нас ждали испытания, нас подготавливали к кратковременным вылазкам за пределы границ нашего государства. В казарме шли разговоры о новой игре, но нас это не касалось, мы ещё не подтвердили статус охотника. Могли быть только наблюдателями в отведённом секторе, для болельщиков, мужчин привлекали в зрители, для разгона особо ярых фанатов. Наши мышцы скрипели от нагнетаемых эмоций, нам не терпелось испытать себя в игре. Для этого нас тренировали! Лучшие охотники были почитаемы в народе. Их узнавали по изображению золотой пращи, возле правого предплечья туники. Их всегда встречали и провожали с триумфом в любом семинге нашего общества. Мне не терпелось проявить себя, я, как и все ждала, когда начнётся игра. Если бы я знала, что моё представление об охоте совсем не соответствует действительности. И, то, что называется игрой в этом жестоком мире – это совсем не охота на невинных животных. Скорее, наоборот – животные убивают охотников. Знание этих фактов ничего бы не смогло остановить в этом мире. (Как на Земле: бои гладиаторов собирали всё население городов древнего Рима, люди ставили ставки, проигрывали состояния. И, цена была высока – жизнь гладиатора! В Испании коррида собирает всю страну, испанцам не объяснишь, что убийство животных, это бесчеловечно – не гуманно. Люди, просто, не поймут этого.) До праздника было несколько дней. Люди наблюдали за светилом тьмы. Отраженье небесных скал, только приближалось к светилу. Как только начнёт меняться цвет этого подвешенного фонаря, загрубит рог тура, извещающий о начале игры. Мы все выучили наизусть ритуал начала игр. В наш тренировочный лагерь стали поступать люди из соседних, дружественных стран.

– Загонщики!

Дала определение этому народу – Ирона. Я не знаю, какую функцию в игре выполняли загонщики, но по ироничным улыбкам охотников, я поняла, что загонщики не имеют авторитет в игре. Скорее, наоборот – они создают панику, ломают всю стратегию игры. Бросают оружие и стараются избежать сражения. Не удивительно, что более восьмидесяти процентов, из загонщиков, остаются на поле битвы.

– А, как же игра?

Спросила я.

– Это и есть игра, Ниа.

За неделю, до знаменательного события в нашу казарму вошёл ничем не примечательный человек. Ирона преклонила колена перед ним.

– Предводитель Угримов – Эрг, – прошёл шёпот в полутьме казармы.

– Мне нужны добровольцы для игры. От вас я не скрываю – это хитрый ход! Я хочу использовать их в качестве приманки. Вы уже достаточно хорошо подготовлены. Противник уверен в лёгкой победе и не ожидает вооружённого отпора от приманки. Кто из вас согласится быть приманкой в игре?

Подтверждением предводителю был лес рук, взметнувшийся над нашими головами. Он был доволен.

– Я ценю ваш патриотизм и желание поучаствовать в игре. Другого я и не ожидал. Нам не нужно столько добровольцев, достаточно и десяти угримов. Главный охотник Ирона проведёт отбор.

Ирону повысили в звании, из старшего охотника в главные. Выше Илоны теперь был, только командующий.

Глава 4

Я не попала в отбор, не повезло. Требовались упитанные, плотные, а я – худая, и длинная.

– Эрг сказал, что требуется десять Угримов, а ты же не угримка, Ниа.

– А, Самико?

Моя подруга попала в отбор.

– А, Самико – настоящая приманка! Только от одного выражения её лица противник драпать будет.

Девочки заулыбались. Большинство из них, как и я, не попали в отбор. Как я завидовала своей подруге! Ей повезло, она может отличиться в этой охоте и её переведут в свободные охотники, согласно рангу. Это – как самурай в Японии. Ирона дождалась, когда рядом со мной никого не было:

– Глупая! Радуйся, что не выбрали тебя, Ниа. Это не твой мир, и не твоя охота. У нас не было победы последние пять лет. Судьям досталось больше половины взрослых угримов, не считая союзников. Эти игры и созданы для того, чтобы поддерживать баланс между нашими народами и подкармливать высших, из других миров. Ниа, ценой ставки твоей подруги в игре, может быть её жизнь. Я достала для тебя пропуск в сектор наблюдателей.

Слова Ироны, были для меня, как отрезвляющий душ. Я не ожидала их услышать от главного охотника. Ирона отдала мне талон и исчезла из казармы. Девочек, отобранных в качестве наживки, перевели в другое место, чтобы подготовить к игре. Нужно было каждой объяснить её роль, всё это выполнялось тайно, скрытно, под командованием опытных режиссёров.

Я опять оказался в тупике.

– Йоко, оторвись от этого монитора. Я мотаюсь по всей пустыне, а эти шарлатаны меняют города, как перчатки. Не могу я разорваться. Помоги мне выйти на след твоих подруг. Мне найти бы этих рекламодателей. Я бы, тогда расследовал всю цепочку их преступлений. Никак не пойму алгоритм их действий, как они определяют, где именно появятся поющие скалы. Йоко, помоги мне. За полгода, откликнувшись на рекламу о поющих скалах пропало несколько человек. Полиция занимается статистикой пропаж, а не расследованием. Никто не написал заявление о поиске людей. Мне кажется, что полиции всё равно, что творится у них под носом. Поэтому, здесь, так вольготно чувствуют себя аферисты.

– Ты немного преувеличиваешь. Нельзя обвинять честных людей. По рассказам свидетелей, эти поющие скалы существуют. И ты, и отец Дионис могут подтвердить это. Наркотики – это наше предположение. Отец Дионис отрицает применение каких-либо наркотиков. Сами скалы, своей музыкой, непостижимым образом воздействуют на психику. Это нужно признать, Али. И, не называй ты при мне этих рекламодателей шарлатанами! Каждый зарабатывает на свою жизнь, как может. Хорошо. Я помогу тебе. Скажи, что надо делать?

Мы были на тренировке, и я не застала построения противоборствующих команд. Ирона нас строем провела в сектор наблюдения. Болельщикам это не понравилось, мы загораживали им поле для игры. Они начали забрасывать нас испорченными фруктами, явно напрашиваясь на неприятности. Смотрители прочувствовали этот момент, и пресекли акт недружелюбия. Это немного отвлекло нас от действия. Мы пропустили начало игры. Команды предстали перед нами уже построенные, вооружённые, в сверкающих доспехах. Кто-то подал мне бинокль. Я пыталась рассмотреть свою подругу. Ирона сказала, что можешь не искать. Приманка – это изюминка игры. Противник стремится овладеть вкусняшкой в первую очередь, поэтому у каждой приманки – четыре стража. Приманка, по всему виду, спрятана, где-то в арьергарде охотников. Я перевела бинокль на противника. Боже мой. Напротив, охотников стоял целый ряд обезьян, не уступающих телевизионному Кинг-конгу. Блин! Мне показалось это не справедливым: охотники были с короткими мечами. И стражники... разве смогут они защитить девочек тупыми копьями? Это чистое убийство, а не охота! Каждая обезьяна вооружена лучше отряда охотников. В одной пасти более тридцати мечей, не считая когтей. Одним своим ударом обезьяна могла убить и покалечить половину отряда. Я увидел в лапах обезьян цепи с тяжёлыми наконечниками.

– Разрешённое оружие, – сказала Главный охотник.

Протрубил рог тура. Охота началась. Обезьяны, первыми ринулись на сторону охотников, и большая их часть попала в ловушку, выкопанную пещерными копателями. Это не была победа, но был несомненно успех. Ещё пара таких ходов и будет перелом в игре. Обезьяны перегруппировались и отступили назад, их осталось меньше половины от первоначального количества. Болельщики, вокруг нашего сектора орала и кидали всё, что попадало им в руки. Смотрители не вмешивались, разрешая выплескивать эмоции подобным образом. Блин! Обезьяны поменяли тактику, и стали обстреливать охотников огромными камнями, к ним присоединились огромные птицы, похожие на орлов. Охотники начали терпеть поражение. Они не рассчитывали на воздушную атаку, и не думали, что против них применят стенобитные орудия. После обстрела в воздухе появились ящеры, и, как огнемёты, стали выжигать всё на своём пути. Против воздушных агрессоров, у охотников защиты не было. Это явилось переломным моментом в игре. Всем уже было всё ясно, обезьяны опять побеждали. Предводитель обезьян переиграл Эрга в тактике ведения охоты. Я думала, что игра уже закончилась. Но нет, это было только начало.

– Игра, Ниа, будет продолжаться до последнего охотника, или, когда один из предводителей выбросит белый флаг, символизирующий поражение.

Я слышала слова Ироны, как в тумане, не совсем понимая их значение. Я уже не хотела смотреть на охоту, где вся территория, отведённая, для игры тонула в стогах и криках раненых, кровь текла рекой и стоял нестерпимый запах поджаренной плоти. У Эрга оставались ещё козыри. Это я поняла потом, когда обезьяны пошли в атаку. Из-за спин Угримов, слабой цепочкой сдерживающих озверевших обезьян, выскочили боевые слоны, рёв которых заглушал все остальные звуки на этом полигоне смерти. Бой слонов и обезьян – это было неопишное зрелище. Я увидела, как слоны потеснили монстров, им не помогли ни птицы, ни огнедышащие ящеры. Обезьяны дрогнули и начали отступать под натиском живых танков, а потом, не выдержали, и строй обезьян сломался. Они побежали. Это была победа! Предводитель обезьян выбросил белый флаг, признав своё поражение. Судьи присудили победу охотникам. Взяли свою часть добычи, и пропали за предел этого мира. Поле игры осталось чистым, после их отбытия. Они забрали всех убитых, и успокоили тяжело раненых. Я вспомнила слова Ироны:

– Эти игры придуманы специально, чтобы кормить высших из других миров.

Я, даже не стала возмущаться. А, у нас, что не так? Кто-то придумывает войны, называя это политикой. Играет терминами, людьми, территориями, а вокруг льётся кровь, люди умирают от боли, от голода, от амбиции высших, находящихся за пределами наших жизней! Я воз-

ненавидела эту охоту, у меня, как пелена спала с глаз. Спасибо! Спасибо Ироне, что непустила меня на эту охоту. Я ждала, когда появится подруга. Угримы, хромая, поддерживая друг друга, под триумфальные крики толпы болельщиков сходились возле нашего сегмента. Должен был прибыть Эрг и началось праздничное построение. Охотники должны пройти парадом, это триумфальное шествие должно войти в историю Угримов.

– Победа! Пять лет мы проигрывали обезьянам. Наконец богиня игры улыбнулась нам. Слава Иресе!

Народ поддержал правителя:

– Слава Иресе! Слава Эргу! Слава богу охоты Деменсу!

В парад выстроились все уцелевшие. Народ отошел от охотничьего угара. Победители. Многие из них плакали. Их осталось единицы, из многотысячного войска. Я искала глазами подругу. Ирона заметила это:

– Не ищи, не высматривай. Самико погибла от каменного снаряда, её, буквально, размазало по земле. Она погибла без боли, сразу. Мне о её смерти рассказал один из стражников.

Я взрослая девочка, но слёзы сами стали капать из моих глаз. Я зарыдала, перестала сдерживать себя. Самико была самым близким человеком для меня. Я вспоминала её лицо, улыбку, никто не мог так удивляться, как моя подруга: её глаза становились невероятно большими, и брови слаживались в огромный знак вопроса. Я вспоминала наш перелёт из Токио в Тель-Авив. Как мне тебя будет не хватать, моя постоянно жующая подружка!

Ирона дала мне три дня, чтобы я успокоилась. Запретила девочкам беспокоить меня по мелочам. После победы в игре, статус государства значительно вырос. Это отразилось и на охотниках. Угримы стали модными в ближнем зарубежье, представитель каждой страны хотел иметь в охране наших охотников. Никогда не думала, что профессия может быть модной. У нас в Японии тоже есть такое – дизайнер, всем кажется, что это – богоподобное, творческое, фантастическое! Клерк, обыкновенный клерк, запечатанный в бумаге и ежесекундно готовый отправиться в горячую печь. Моя подруга Самико была дизайнером. Их предприятие специализировалось на бумажной таре. Судьба распорядилась по-своему.

Разбирали моих соседок, они разлетались по разным странам. Я, каждый раз, смотрела с надеждой на очередных «покупателей», но они выбирали Угримов, стоящих в одной шеренге вместе со мной, но не меня. Подруги по оружию покидали расположение казармы. Обидно! Ирона пыталась успокоить оставшихся, увеличивая нагрузку на тренировках. Когда под ногами крутится карусель с мечами, забываешь обо всём и уже не до «покупателей» – чужестранцев. Не знаю, что им во мне не нравилось? Я сама себе нравилась и любила смотреть в зеркало, когда выпадала свободная минута. Старший охотник всегда улыбалась, застав меня за этим занятием.

– Погоди немного. Ты – как цветок! Расцветёшь, отбою не будет!

Я смущалась от её слов, но в душе было очень приятно. Как нам всем надоели эти тренировки! Но, после игры я поняла, что иначе нельзя. Если хочешь выжить – терпи! Если хочешь вырваться из этого ада – терпи! Терпение пропадало по ночам, во сне, когда я шла по улицам моего города. Я вспоминала даже запахи Токио. Каждый город имеет свой неподражаемый запах. Я тоже, раньше не замечала. А, теперь во сне, я вспомнила, как пахла моя улица. Я проходила возле магазина, торгующего рисовыми лепёшками... Сигнал подъёма догнал меня уже на полу казармы. Начался новый день. Прощай Токио!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.